

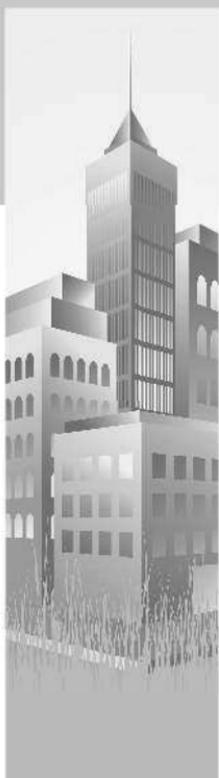
The Best of Sci-Fi Classics

Clifford Simak

The City

Город

Клиффорд Саймак

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С14

Clifford D. Simak

THE CITY

Copyright © 1952 by Clifford D. Simak

Саймак, Клиффорд.

С14   Город / Клиффорд Саймак ; [пер. с англ. Л. Л. Жданова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (The Best of Sci-Fi Classics).

ISBN 978-5-699-89623-3

Куда приведет человека развитие цивилизации и безумная жажда власти над природой и себе подобными? Какими будут последствия применения новейших технологий и создания все более разрушительных видов оружия? А что, если когда-либо в будущем обитателям Земли придется все начинать заново? Кто будет в ответе за судьбы мира?

«Город» — культовый роман мастера «гуманитарной» НФ Клиффорда Саймака, завоевавший Международную фантастическую премию!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Л. Жданов, перевод на русский язык, 2016

© А. Рух, вступительная статья, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89623-3

ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Клиффорд Дональд Саймак (точнее, конечно же, Симак, но не будем отклоняться от привычного русскоязычному читателю варианта) — писатель, едва ли нуждающийся в представлениях. Столп, титан, один из отцов-основателей, обладатель едва ли не всех возможных наград и премий, классик не только американской фантастики, но и американской литературы в целом. Автор множества романов, давно любимых читателями всего мира: «Пересадочная станция», «Заповедник гоблинов», «Всякая плоть — трава», «Почти как люди» и множество других. И, конечно же, «Город». Вот о последнем сегодня и пойдет речь.

Начнем с того, что «Город» стоит несколько особняком даже в том калейдоскопе миров, который был порожден Золотым веком американской фантастики. Действительно: многие братья Саймака по писательскому цеху воспевали скорый триумф человечества, покоряющего пространство и даже время. Многие пророчили человечеству всяческие беды вплоть до полного уничтожения или самоуничтожения. Разнообразие предлагаемых вариантов и того, и другого просто потрясло. Но, кажется, только Саймак описал в одном произведении сразу несколько сценариев гибели рода людского, разнеся их

хронологически, но объединив общей сквозной линией: историей семьи Вебстеров и их домашнего робота Дженкинса.

Точка, из которой ведется повествование, отнесена от собственно описываемых событий настолько далеко в будущее, что сохранившиеся разрозненные сведения о роде людском представляются смутным мифом, небылицей и — да — сугубой фантастикой. Можно сказать, что в некотором роде это сближает разумных киноидов, при свете костров рассказывающих друг другу истории о загадочных, непостижимых, давно исчезнувших «людях», с нами, читающими о своей вероятностной судьбе.

Композиционно «канонический» текст романа состоит из восьми отдельных частей — «преданий», всего, что было сохранено Псами спустя много веков после исчезновения человека. Собственно, перед нами именно свод мифов о человеке, составитель которого, опираясь на авторитет предыдущих исследователей, пытается раскрыть их истинное содержание. Короткие заметки этого безымянного составителя, предваряющие каждое из сказаний Псов, призваны объяснить тайный смысл метафор, некогда заложенных авторами. Ведь, разумеется, нельзя же всерьез говорить о том, что Псы и их верные роботы были некогда созданы какими-то «людьми», да еще и способными летать к звездам!

Сложно судить, имеет ли отношение изобретенная автором фамилия семьи, оказавшей такое значительное и неоднозначное влияние на судьбу своего вида, к Ною Вебстеру, создателю корпуса современного американского английского. Однако такое предположение не ка-

жется уж совсем невероятным — и тогда участие этой семьи в определении вектора развития нашей цивилизации началось задолго до того, как Джон Дж. Вебстер бросил вызов своим коллегам по муниципалитету, обрекая на исчезновение отжившую, исчерпавшую себя городскую цивилизацию.

Отметим особо, что причиной упадка городов по Саймаку послужили опасения из-за возможности новой мировой войны: рассредоточенное по мелким фермам население представляло собой куда менее привлекательную мишень. Именно с этой точки начинается развилка между нашим миром и реальностью «Города». Именно этот страх всеобщей гибели привел к тому, что была изменена сама модальность существования людей. Далее были создание андроидов с полноценным ИИ, начало экспансии к другим мирам и контакт с цивилизацией Марса («Берлога»); выделение из человеческой расы сверхлюдей-мутантов; работы Брюса Вебстера по форсированию когнитивных функций у собак и мутанта Джо — у муравьев («Перепись»); юпитерианская катастрофа, фактически положившая конец *homo sapiens* как доминирующему биологическому виду, представители которого массово выбрали рай в телах тамошних аборигенов-скакунцов («Дезертирство», «Рай»); упадок и деградация оставшихся на Земле представителей человечества и, наконец, их изгнание в параллельный мир («Развлечения», «Эзоп»). Последний штрих — бегство в иное измерение уже цивилизации собак, теснимых муравьями («Простой способ»), выглядит неким постскриптумом, исчезновением последнего от-

блеска всего того, что было создано людьми за многие и многие тысячелетия.

И в то же время все описанные в «Городе» трагедии рода людского были одновременно и его триумфом. Победой над внутренним скотством, над манерой решать любые проблемы с помощью насилия, над всеми проявлениями того, что, собственно, и мешает человеку называться Человеком. Перед нами истинно гуманистическое произведение, основной посыл которого — у выживания есть предел цены, за которым оно становится бессмысленным. Жизнь всего человечества не стоит не только единой человеческой жизни, но и единой жизни белки. И даже потеря собственного мира — недостаточная цена для того, чтобы снова убивать. Что угодно, но только не это. Пацифизм, буквально возведенный в культ. И нет ничего удивительного в том, что эта этическая доминанта возникла в творчестве Саймака во время Второй Мировой с ее небывалой доселе жестокостью и в период постоянного страха новой, еще более губительной бойни. Сам писатель, будучи уже во вполне зрелом возрасте, участия в боевых действиях не принимал, проработав всю войну в газете «Миннеаполис Стар», однако самой атмосферы воюющей страны, усугубленной доносящимися с фронтов вестями, оказалось достаточно для того, чтобы создать этическую концепцию, которая стала фундаментом «Города».

Тем не менее, итог романа неутешителен для людей: человечество неисправимо, оно обязательно вновь и вновь будет «изобретать лук и стрелы», ведь тяга к насилию заложена у него в крови. Когда-то люди пробудили разум в своих

вечных спутниках, собаках, и при этом избавили их от любого проявления хищнических инстинктов. Сделали из них своего рода «лучшее человечество». Стоит ли удивляться тому, что именно ради Псов последние остатки человечества были изгнаны в параллельный «мир гоблинов»? Как и было обещано, Землю наследовали кроткие. И когда Джон Вебстер, последний из людей, добровольно погрузившийся в сон без сновидений на бесконечное время, не может предложить для борьбы с полчищами агрессивных разумных муравьев ничего, кроме убийства, само понятие которого оказалось забытым за пять тысячелетий без насильственных смертей, робот Дженкинс находит такую цену слишком обременительной. Неприемлемой. Потому что «лучше потерять мир, чем снова убивать». Кажется, человек бы его не понял.

Через двадцать лет после первого издания «Города», в 1973 году, Саймак по просьбе Гарри Гаррисона, составлявшего мемориальный сборник памяти Джона Кэмпбелла, вновь возвращается к сделавшему его знаменитым сюжету и пишет девятую часть — «Эпилог». Историю о том, что заканчивается действительно все, — и о том, что любой конец является началом чего-то совсем нового. Эта история, в которой, в отличие от предыдущих, не имеется своего рассказчика, что делает ее своего рода апокрифом, выбивающимся из общего ряда легенд Псов. Однако, несмотря на отдельные противоречия основному корпусу текстов, «Эпилог» сохраняет главное: тот дух гуманизма, которым пропитан весь роман. Гуманизма в смысле куда более широком, чем принято его обычно толковать. И пусть Дженкинс, последний разум-

ный обитатель Земли, переживший и людей, и мутантов, и собак, и муравьев, в конце концов, покидает ее ради иных планет, открытых его собратьями-роботами. Но ведь и заселившие Вселенную роботы, и развивающие свою цивилизацию в одном из миров гоблинов Псы, и наслаждающиеся бесконечной радостью юпитерианские скакунцы — все они суть порождение и продолжение человечества. Которое, выходит, вовсе и не исчезло. А Земля... Земля вновь стала «пуста и безвидна». Но кто знает — быть может, когда-нибудь на ней вновь зародится жизнь. А пока — пусть отдохнет. Она это действительно заслужила.

И последнее. Принято считать, что название романа всего лишь повторяет название первой новеллы. Рискнем предположить, что истинный его смысл гораздо глубже. Именно город был символом человеческой цивилизации, и неудивительно, что отказ от городов был первым шагом к угасанию человечества. Единственный из оставшихся, Женева, становится последним прибежищем людей-землян, замурованных и непроницаемым куполом, и собственной апатией. Городом-муравейником, заполнившим всю поверхность планеты. История заканчивается, образовав, таким образом, своего рода смысловое кольцо. В конце концов, сама Земля стала Городом, покинутым его обитателями — как некогда покинули они тот маленький городок в американской глубинке, с которого все и началось.

Значит, это действительно еще не конец пути. Это его начало.

Аркадий Рух

Памяти Вихря
(он же Нэтэниел)

Предисловие автора

«Город» был написан в результате крушения иллюзий. Возможно, людей, подобно мне утративших иллюзии, не так уж много, но они должны быть. Человечество прошло через войну, не только унесшую миллионы жизней и исковеркавшую миллионы других жизней, но и породившую новое оружие, способное уничтожить уже не армии, а целые народы.

Мало кто из нас ныне задумывается об угрозе ядерного оружия. Мы жили с ней так долго, что она стала одним из факторов нашего существования. Мы свыклись с ней и если подчас вспоминаем об этой угрозе, то лишь как об инструменте международной политики, а не как о реальной опасности. Даже в те дни, когда первые ядерные взрывы расцвели над Японией, основная масса людей не увидела в них ничего, кроме более мощных бомб. Но некоторые, в том числе писатели-фантасты, сразу поняли значение свершившегося. Я убежден, что эти писатели и их произведения, предрекающие миру гибель, служат орудием предостережения для общества —

предостережения о том, чем чревато ядерное вооружение.

Меня лично потрясла не столько разрушительная сила нового оружия, сколько очевидный факт, что человек в своей безумной жажде власти не остановится ни перед чем. Похоже, нет предела жестокости, которую люди готовы обрушить на головы своих ближних. Какой бы страшной ни была Вторая мировая война, у меня все же теплилась робкая надежда, что люди сумеют как-то договориться друг с другом и сделать мирную жизнь возможной. Но теперь, осознав безмерность человеческой жестокости, я потерял и эту небольшую надежду.

Сейчас я уже не в силах восстановить в памяти строгую хронологическую последовательность написания рассказов, вошедших в сборник. Какие-то из них были созданы до начала атомной эры, другие — на ее заре. Впрочем, хронология не имеет особого значения. Крушение иллюзий было вызвано войной; Хиросима и Нагасаки лишь довершили и углубили его.

«Город» не был задуман как протест (что толку от протестов?), это был поиск фантастического мира, способного противостоять миру реальному. Возможно, в глубине души мне хотелось создать такой мир, где я сам и другие разуверившиеся люди могли бы хоть ненадолго укрыться от жизни, в которой мы вынуждены жить. Кто-то назвал этот сборник «обвинительным актом человечеству»; такое

определение не приходило мне в голову, когда я писал рассказы, но я с ним согласен — и считаю, что у меня были и есть причины предъявить человечеству обвинительный акт. А в то время я думал и не раз говорил друзьям, что населил свою Землю псами и роботами оттого, что потерял веру в человечество и в его способность жить в мире. Приговор, конечно, суровый, и, казалось бы, теперь, по прошествии стольких лет, я мог бы его смягчить, но, честно говоря, не вижу оснований. Наша собственная страна успела за это время ввязаться в две крупные войны, так что будущим историкам придется долго и упорно трудиться, если они захотят найти во второй половине нашего столетия более или менее устойчивый мирный период. Я, конечно, понимаю, что уже тридцать лет страны планеты стараются притерпеться друг к другу (хотя бы из боязни) и тем самым держат на поводке ядерные силы. Но это не такой уж многообещающий признак, как может показаться. Вот если ядерное оружие не будет спущено с поводка еще лет тридцать, тогда можно будет говорить о каких-то надеждах.

В сборнике «Город» я писал об увлечении людей механической цивилизацией. Другие писатели, да и сам я тоже, не оставляют этой темы и по сей день, только называют иначе — технологическим обществом. Нет ничего дурного в технике как таковой, дурно лишь наше бездумное увлечение ею. Мы обожествляем машины; в каком-то смысле мы продали им

свои души. Уже в те годы, когда создавались рассказы «Города», я чувствовал, что существуют другие, высшие ценности помимо тех, что несет с собой технический прогресс. Я и поныне в этом уверен. Есть люди, которые ненавидят машины за то, что те поглощают невозполнимые земные ресурсы. Но, на мой взгляд, опасность гораздо шире. Меня больше всего беспокоит то, что под влиянием техники наше общество и мировосприятие теряют человечность.

Действие в преданиях, составляющих сборник (в первых из них), разворачивается на фоне упадка и исчезновения городов. Я был убежден тогда и еще сильнее убежден теперь, что города — анахронизм, от которого нам пора избавляться. В последние годы кризис городов стал еще очевиднее. Типичный современный город — это блестящий центр, окруженный разрастающимися кольцами гетто. Когда-то давно, когда средства связи и транспорт были примитивны и медлительны, в существовании городов был свой смысл. Поначалу люди сбивались в них ради безопасности, позже — чтобы удобнее было вести дела. Теперь города утратили функцию защитного сооружения; большей частью за городом жить даже безопаснее, чем в его стенах. А современные средства связи упразднили необходимость жить по соседству со своим деловым партнером. Для деловых операций совершенно не важно, где находится ваш партнер — на соседней улице или за несколько тысяч миль. Город